

№ 18 1912

СВѢТЪ ХРИТОВЪ ПРОСВѢЩАЕТЪ ВСѢХЪ.

Американскій Православный Вѣстникъ.

„Russian Orthodox American Messenger”

Подписная цѣна на годъ: 24 выпуска 3 дол. (6 рублей).

TERMS OF ANNUAL SUBSCRIPTION: 24 issues — \$3.00.

Отдѣльные номера по 15 ц. Issued semi-monthly, every 14-th and 28-th. Single copies at 15 cents.
Rev. A. Hotovitzky, Publisher. 15 E. 97th St. N. Y. City

— Entered at the Post Office as Second Class Mail Matter. —

No. 23 Vol. XVI. NEW YORK, December 14, 1912, 1 Декабря 1912 г. No. 23.

Христось Раждается -- Славите!

Пойте Господеви вся земля и веселиемъ воспойте, людие, яко прославися!

Ликуеть, отвѣчая призыву этой чудной пѣсни, вмѣстѣ со всею православной землей, и наша Американская Церковь, слагая свои скромные дары къ яслямъ Богомладенца. Правда, въ Рождественскомъ веселіи ея чуткое сердце и слухъ уловить грустныя, хватающія за сердце нотки: захватила тебя, православный русскій людъ, здѣсь въ колесо будничной суеты, чужестранная жизнь, нѣтъ для тебя родного твоего Рождества, связаны твои руки и тѣло... Но душа твоя тамъ, гдѣ витала она въ эти дни въ твои дѣтскіе годы... Воль-

ной пташкой она выпорхнетъ изъ своей душевной, мрачной, непривѣтливой клѣтки, промчится черезъ моря-океаны, черезъ долины и горы, и радостной, съ младенческой колыбели устами твоей матери напѣтою въ сердце твое пѣсню встрѣтитъ гостью небесную, вилеємскую звѣзду лучезарную!.. «Слава въ Вышнихъ Богу!» Принеси намъ счастье, родная звѣздочка! Озари лучемъ радости долю нашу печальную, поведи насъ путемъ честнымъ, дорогою славною: славимъ Тя, Христе, Боже нашъ!..

Славимъ Тя, Христе, Боже нашъ!.. Шумитъ, гремитъ чудовише, машина всесокру-

шающая здѣшной жизни, кипучей будничной, все сковала она рычагами своими цѣпками, роковыми размахами занеслась она надъ нами, — а на душѣ такъ тихо, такъ тепло, такъ привѣтливо: обогрѣла ее радость святочная, освѣтилъ ее Свѣтъ разума! Изъ очей покатила слеза чистая драгоценнымъ камнемъ къ яслямъ Божиимъ.

Съ Праздникомъ, дорогіе друзья православные!

Осиротѣль въ Святыя дни Праздника въ этомъ году нашъ Каѳедральный Соборъ въ Нью Йоркѣ.

Въ преддверіи Святокъ, отбылъ Архипастырь нашъ въ суровую Канаду, чтобы тамъ обласкать своимъ словомъ святительскимъ, и осѣнить благословеніемъ Архипастырскимъ свою вѣрную паству. Печаль здѣсь, — но ра-

дость тамъ, радость велія: въ недѣлю свв. Отецъ освящаетъ Высокопреосвященнѣйшій Владыка Архіепископъ новый храмъ въ Фортъ-Вильямъ, — почти трое сутокъ ѣзды отъ каѳедральнаго града, — а въ день Рождества въ Виннипегѣ совершить Божественную литургію и преподать указанія Канадѣйскимъ пастырямъ въ огражденіе православныхъ церквей отъ вторженія волка хищнаго, пришедшаго отъ коварнаго Рима съ цѣлью расхитить православныя овцы. Сыновнія привѣтствія и молитвенныя благожеланія приносимъ въ эти святыя великія дни нашему Архипастырю, а всѣхъ нашихъ братьевъ въ Канадѣ горячо поздравляемъ съ сугубою, дарованною имъ пришествіемъ Владыки-святителя радостью.

Христосъ рождается!

Мирное торжество.

A Peaceful Victory.

Не часто приходится въ чужой странѣ получать высшее удовольствіе — слышать признаніе величія с в о е г о народа и с в о е й культуры отъ лица, принадлежащаго по крови, воспитанію и образованію къ м ѣ с т н о м у народу и м ѣ с т н о й культурѣ. Стать выше узкихъ границъ національныхъ симпатій и даже предразсудковъ дается людямъ только недюжинной одаренности. Какъ поэтому пріятно встрѣтить въ своей жизни и въ свое время такой необыкновенный случай! Для русской православной Миссіи онъ тѣмъ болѣе имѣетъ цѣну, что своею дѣятельностію Миссія пролагаетъ путь къ узнаванію другъ друга народами русскимъ и американскимъ; она же является средою, въ которой эти симпатіи обѣихъ націй осязательно выражаются въ жизни.

It is not often we get the supreme gratification, living in a foreign country, of listening to an acknowledgment of the greatness of our people and our culture from a person, who in blood, in bringing up and education belongs to the local people and the local culture.

Only people above the average can rise above the boundary of national sympathies and even national prejudice. Therefore, it is only the more delightful to meet with such a case personally, in our own time. For the Russian Orthodox mission, it is still further gratifying because its activity is directed towards the establishment of a better understanding between the Russian and the American people. It also is the medium in which

25-го ноября (8 декабря по н. ст.) въ кафедральномъ Свято-Николаевскомъ соборѣ между богомольцами, обычно приходящими въ воскресный день помолиться въ соборъ, были посѣтителы нарочитые: г. Крайнъ, его родные и друзья. Ихъ посѣщеніе было вызвано желаніемъ Высокопреосвященнѣйшаго Владыки, Архіепископа Платона, лично передать г-ну Крайну портретъ Государя Императора отъ Его Императорскаго Величества въ благодарность г-ну Крайну за его жертву въ пользу кафедральнаго собора. Г-нъ Крайнъ, какъ извѣстно, согласился отпустить по \$10,000.00 въ теченіи трехъ лѣтъ на содержаніе при православномъ соборѣ въ Нью Йоркѣ образцоваго хора по типу російскихъ пѣвческихъ хоровъ. Созданная на эти деньги капелла существуетъ уже почти годъ.

Врученіе портрета Его Императорскаго Величества произошло по отпустѣ послѣ Божеств. Литургіи. Владыка Архіепископъ съ сослужащими вышелъ на амвонъ, у ступени котораго стоялъ г. Крайнъ. Множество народа приблизилось къ солеѣ.

Владыка Архіепископъ, держа святительскій жезлъ въ рукѣ, обратился къ г. Крайну съ нижеслѣдующею рѣчью:

«Достоуважаемый Мг. Крайнъ!

«Я радъ сказать Вамъ сейчасъ, что Ваше имя извѣстно не только среди русскихъ, живущихъ въ Америкѣ, но и тамъ, въ широкихъ кругахъ русскаго общества, въ Россіи. Вы, Мг. Крайнъ, въ своемъ благородномъ стремленіи показать американцамъ русскій геній, какъ онъ явилъ себя въ лучшихъ произведеніяхъ церковной музыки, явились какъ высокопресвѣщеннымъ челоуѣкомъ, такъ и добронастроеннымъ американскимъ патріотомъ. Русскій геній, разносторонне обнаруживающійся на всѣхъ поприщахъ знанія и жизни, особенно рельефно выказалъ себя въ мелодіяхъ, посвященныхъ пѣснопѣніямъ нашей Церкви, въ которыхъ воплощается, можно сказать, вся великая душа глубокорелигіознаго русскаго народа. Чтобы осуществить свое благородное стре-

the mutual sympathy of the two nations finds a vital palpable expression.

December the 8th, among the usual visitors who come to pray in our Cathedral on Sundays, there were some visitors, who were much noticed: Mr. Charlese Crane, his relatives and friends. His Grace the Archbishop Platon brought from Russia a portrait of the Russian Emperor, which His Majesty specially desired to be delivered to Mr. Crane in gratitude for his generous donation to the Russian Cathedral; and His Grace's wish to do so personally was the occasion of Mr. Crane's visit. Among the Russians in New York it is well known that Mr. Crane volunteered to pay \$10,000 a year for three years to make it possible for the Russian Cathedral to keep a model choir of Russian singers, as they exist in Russia.

The portrait of His Imperial Majesty was handed to Mr. Crane when the Divine Liturgy was over. His Grace accompanied by his clergy stood in front of the Altar Screen. Mr. Crane stood on the steps that lead to it. And a great many people among the parishioners pressed forward eager to see and to hear.

Leaning on his prelate's crosier His Grace spoke thus to Mr. Crane:

“Honored Mr. Crane!

I am glad to tell you that at present your name is known not only to Russians in America, but also to the wider social circles in Russia. Moved by the noble wish of showing to the Americans the Russian genius as it is expressed in the best pieces of our church music, you proved that you not only are a highly enlightened man, but also a public spirited American patriot. Russian genius, manifest in various ways in all branches of knowledge and life, is especially well expressed in works of music dedicated to the sacred singing in our church, which incarnate so to speak the most profoundly religious soul of the Russian people. In or-

мленіе, Вы дали возможность создать при здѣшней церкви хоръ, который бы всею постановкою въ немъ гѣвческаго искусства, дѣйствительно, давалъ не только людямъ богатымъ, но и вѣмъ людямъ возможность придти сюда и насладиться здѣсь дивной гармоніей музыкальныхъ произведеній русскаго гениа. Я долженъ заявить, что какъ ни высока поставленная, можно сказать, безграничная, задача, однако, сравнительно съ временемъ, какое было дано намъ въ наше распоряженіе, наша капелла, какъ каждый можетъ, послушавши, судить, успѣла уже весьма и весьма въ разрѣшеніи ея. Я не боюсь обмолвиться говоря, что Вы, Mr. Крейнъ, своимъ благороднымъ порывомъ создали изъ ничего то, чѣмъ мы нынѣ уже теперь восторгаемся. И я увѣренно могу сказать, имѣя въ виду достигнутые уже результаты, что если бы намъ была дана возможность не три только года развивать и усовершенствовать это великое дѣло, то нынѣшній нашъ хоръ превзошелъ бы даже и то, что можно было бы предъавлять къ нему.

«Скажу болѣе. Поддерживая нашъ церковный хоръ, Вы, Mr. Крейнъ, въ своемъ благородномъ увлеченіи и порывѣ, достигаете высшаго, чѣмъ можетъ осмысливаться и украшаться и чѣмъ жива наша жизнь. Вы достигаете того, что мы, разрозненные обстоятельствами жизни, раздѣленные по исповѣданію вѣры въ Иисуса Христа, нашего Спасителя, на безкорыстной почвѣ любви къ нашей русской церковной музыкѣ дѣлаемся все опять едино во исполненіе словъ: «да вси едино будутъ!» Въ желаніи познакомиться съ русской церковной музыкою все больше и больше непредвзятые благородные американцы заходятъ въ этотъ храмъ, а сообщая свои впечатлѣнія друзьямъ и знакомымъ, создаютъ все болѣе и болѣе кругъ лицъ, которыя, отбросивъ всякія предвзятости, невольно входятъ въ духъ русскаго гениа и находятъ въ немъ и для себя нѣчто сродное и жизненное.

«Отъ души радъ я нынѣ, предъ лицомъ всей моей церкви въ Америкѣ и здѣшней моей паствы принести Вамъ мою глубокую личную бла-

der to realize this noble intention, you made it possible for us to found, in connection with this church, a choir whose high standard of the art of song should make it possible for rich and poor alike to come here and enjoy to the full the wonderful musical creations of the Russian genius. I must say, that though the aim is so high and the task almost unlimited, especially considering the shortness of the time at our disposal, the choir made much progress towards its realization, as anybody can convince himself having heard the singing. Mr. Crane, I am not afraid to make a mistake if I say that your noble impulse called forth out of nothing something which is already well able at present to delight us. And judging by the result already accomplished, I can say with assurance, that were we to pursue the task even after the appointed three years are over, our choir would be well able to satisfy any demands on its skill. I can say more than this. Mr. Crane, by supporting the choir of our church, in your noble impulse you reach towards the supreme attainment which gives meaning and beauty and vitality to our life. Driven asunder by the circumstances of our lives, separated by the differences in confessing Jesus Christ our Saviour, we become once more one on the ground of our disinterested love for the ecclesiastical music of Russia, realizing the command: "that all may be one".

Wishing to hear some Russian church music, unprejudiced cultured Americans come to this cathedral and speaking to their friends of the impressions they had whilst there, they increase progressively the number of people who dropping all preconceived ideas are brought into touch with the spirit of the Russian genius and find it has something for them too, something dear and near. I am heartily glad now, before my whole Church in America as well as before my local flock, to give you, Mr. Crane, my

годарность съ пожеланіемъ Вамъ и всему Вашему досточтимому семейству всякаго отъ Господа Блага благополучія».

«Кромѣ того, о Вашей благородной жертвѣ на нашъ хоръ съ цѣлю ознакомленія широкой американской публики съ русскою церковною музыкою я имѣлъ счастье непосредственно доложить моему Начальству. Последнее сдѣлало соответствующее представленіе Государю Императору. И я счастливъ сообщилъ Вамъ, что Его Императорское Величество, въ знакъ Своей благодарности, соизволилъ Высочайше пожаловать Вамъ, достопочтенный Mr. Крейнъ, Его Величества портретъ съ собственноручною Его на немъ подписью».

«Вмѣстѣ съ симъ Владиміръ Карловичъ Саблеръ, г. Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода, поручилъ мнѣ передать Вамъ и это священное изображеніе Воскресенія Христова — предмета нашей общей вѣры и религіознаго почитанія — въ знакъ его личнаго къ Вамъ уваженія».

«Съ искреннею радостію выполняя эти порученія, отъ всей души провозглашаю Вамъ, Mr. Крейнъ, и всей почтенной семьѣ Вашей многія лѣта!»

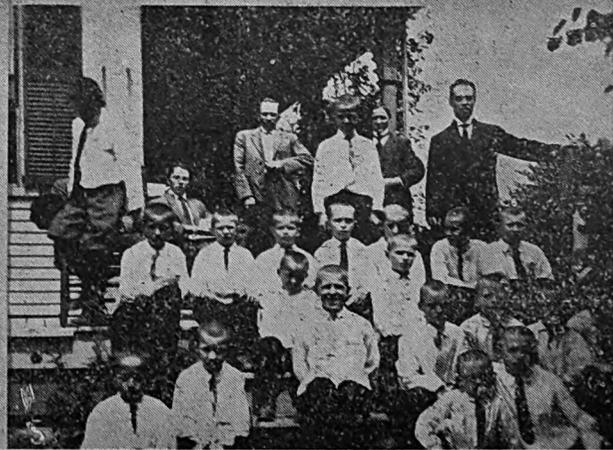
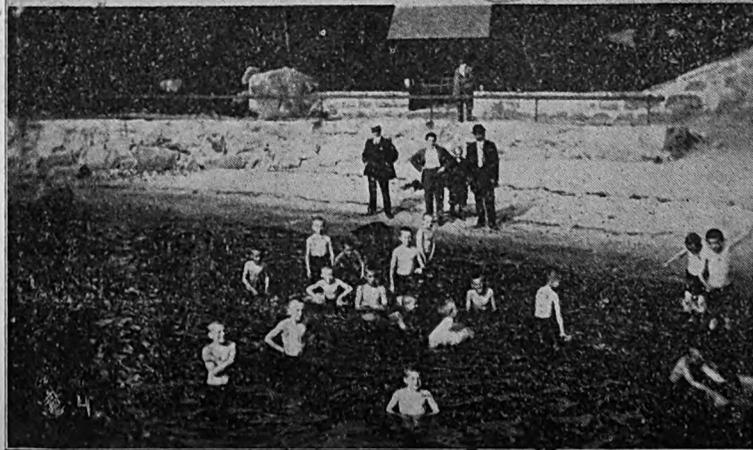
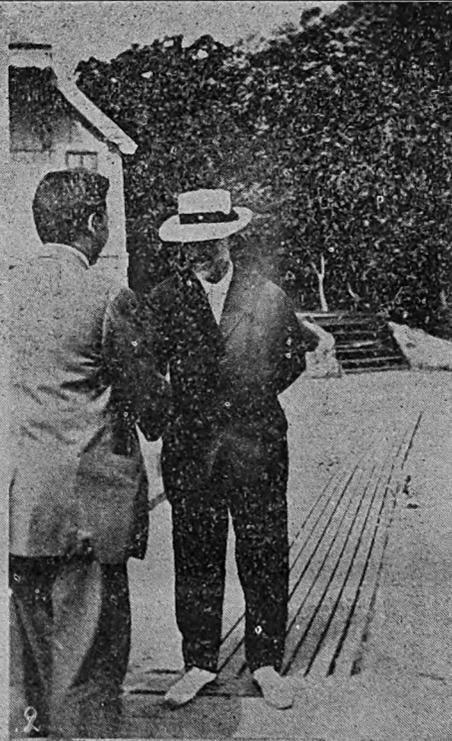
Дружно спѣтое русское «многая лѣта!» было отвѣтомъ всей паствы соборной и всей церкви Американской на пожеланіе Ея Первосвященителя.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ можно возблагодарить намъ челоуѣка-американца, милліонера, который по одному порыву личнаго своего благородства приходитъ къ нашей церкви на помощь въ томъ именно пунктѣ, въ которомъ мы наиболѣе доселѣ были слабы?! Ни капиталомъ, ничѣмъ, имѣющимъ цѣнность на общемировомъ рынкѣ, его не удивишь. Только наше безкорыстное, вседушевное пожеланіе многихъ и благихъ лѣтъ отъ Господа, высказанное золотыми устами нашего Владыки-Архіепископа, — остается одно, что мы можемъ высказать,

profoundest personal gratitude, wishing that God might grant you and your good family every possible prosperity. Moreover, when in Russia, I was so fortunate as to speak of your generous donation to our choir to my hierarchical Superior. The latter duly reported it to His Imperial Majesty. And I am infinitely happy to tell you, Mr. Crane, that His Majesty graciously sends you His portrait with an autograph inscription as a token of His gratitude. On the same occasion V. K. Sabler, the chief curator of the Holy Synod, commissioned me as a token of his personal regard for you to take to you this holy image of the Resurrection of Christ, the object of our common belief and religious reverence. Fulfilling these two commissions with the sincerest pleasure, I now wish "long life" to Mr. Crane and his family!"

"Long life" was sung unanimously by all the present in the cathedral; in support of the chief Prelate of the Russian Church in America.

And indeed can we thank enough a wealthy American, who moved by the generosity of his own nature only, gives our church a helping hand exactly at the point where help is most needed. Money and the good things of this earth he does not want. Our sincerest and most hearty wish that the Lord should grant him many long prosperous years, expressed for all of us through the eloquent mouth of our Archbishop is the only way for us to thank him adequately. And it is a matter of great satisfaction for us to know that our Archbishop expressed the gratitude we all feel, with all possible refinement. The portrait of His Majesty is excellently done, is enclosed in a rich cover and bears the autograph signature of His Imperial Majesty: "Nicholas". The image of the Resurrection of Christ is very richly framed. And the two gifts were delivered to Mr. Crane in the most impressive way, in the presence of the many parishioners in the

1) Хоръ у дачи г. Крейна. 2) Г. Крейнъ привѣтствуетъ И. Т. Горохова: «Добро пожаловать». 3) Г-жа Крейнъ. 4) Дѣти-пѣвчіе въ морѣ. 5) Хоръ на дачѣ.

solemn surroundings of a cathedral, and to the singing of the choir, Mr. Crane called into existence.

Let us praise the Lord, who provides for us in all ways, and who now allowed us to witness this peaceful victory of the Russian spirit.

After the Divine Service, His Grace the Archbishop invited the visitors to his own apartments. Conversation was very animated touching many sides of the national life both Russia and America. Before leaving Mr. Crane begged the Archbishop to give his most heartfelt thanks to His Imperial Majesty for His most gracious present.

L. T.

Новый С-Петербургскій Митрополитъ.

Высочайшимъ указомъ призванъ къ руководству спб. митрополіей высокопреосвященный Владиміръ, митрополитъ московскій и коломенскій. Новый спб. митрополитъ хорошо извѣстенъ своей пастырской, проповѣднической и просвѣтительной дѣятельностью. Его прошлое святительское служеніе отличалось любовнымъ попеченіемъ о нуждахъ паствы и мѣстнаго духовенства, христіанской простотой и смиреніемъ. Находясь во главѣ самарской епархіи, грузинскаго экзархата и московской столичной митрополіи, владыка былъ пастыремъ пастырей, носителемъ и проповѣдникомъ жизни Христовой въ сердца вѣрующихъ, родникомъ цѣлаго ряда дѣлъ любви и милосердія.

Высокопреосвященный Владиміръ, въ мірѣ Василій Никаноровичъ Богоявленскій, родился 1 января 1848 г. въ Тамбовской губ., въ Моршанскомъ уѣздѣ, въ с. Моршкѣ. Отецъ его былъ священникъ. Изъ тамбовской семинаріи владыка поступилъ въ Кіевскую духовную академію, гдѣ окончилъ курсъ кандидатомъ богословія. Въ 1870 г. онъ былъ назначенъ преподавателемъ въ тамбовскую семинарію, въ 1882 г. по-

засвидѣтельствовать. И какъ отрадно знать, что такая благодарность г-ну Крейну сдѣлана нашимъ Архіепископомъ со всѣмъ возможнымъ въ этомъ дѣлѣ изяществомъ. Испрошенъ портретъ отъ Государя Императора — портретъ прекраснаго рисунка, въ роскошной папкѣ, съ собственноручной подписью Его Императорскаго Величества “Nicolas”. Данъ образъ Воскресенія Христова, въ изящной золотой рамкѣ. Переданы эти вещи предъ лицомъ всего русскаго народа, въ торжественной церковной обстановкѣ, подъ пѣніе той капеллы, которая создана средствами г. Крейна. Наконецъ, рѣчь Архіепископа говоритъ о величіи русскаго генія, покоряющаго умы и сердца многихъ, даже среди людей иной культуры и требовательностию превзошедшихъ своихъ соотечественниковъ!.. Выражена надежда, что г. Крейнъ на будущее время окажетъ поддержку созданному имъ хору, но такъ, что его благородное желаніе быть для насъ меценатомъ нисколько не явится ни обязательнымъ или вынужденнымъ, а свободнымъ, творческимъ дѣломъ культурнаго прогресса націй и проявленіемъ истинной челоуѣчности богатоодаренной души жертвователя.

Слава Господу Богу, ущедряющему насъ всячески, а теперь даровавшему намъ пережить мирное торжество!

Послѣ службы Божьей Владыка Архіепископъ пригласилъ гостей въ свои покои. Оживленная бесѣда коснулась многихъ сторонъ жизни и русской и американской. На прощаніе г. Крейнъ просилъ Владыку Архіепископа выразить Государю Императору свою глубокую благодарность за полученіе портрета Его Императорскаго Величества.

Л. Т.

Высокопреосвященнѣйшій ВЛАДИМІРЪ,
Митрополитъ С.-Петербургскій.

священъ въ санъ священника съ назначеніемъ настоятелемъ одной изъ церквей г. Козлова. Здѣсь онъ проявилъ впервые свое недюжинное проповѣдническое дарованіе и обратилъ особое вниманіе на внѣбогослужебныя бесѣды съ прихожанами. Овдовѣвъ, высокопреосвященный постригся въ 1886 г. въ монашество съ именемъ Владиміра, тогда же былъ возведенъ въ санъ архимандрита и назначенъ настоятелемъ Троицкаго козловскаго монастыря, но вскорѣ переведенъ настоятелемъ древнѣйшаго Антоніева монастыря близъ Новгорода. Въ 1888 г. хиротонисанъ въ Петербургѣ въ санъ епископа старорусскаго, викарія с.-петербургской епархіи, и переѣхалъ на жительство въ Новгородъ. Занимая епископскую кафедру, онъ своими живыми, прекрасными проповѣдями привлекалъ въ древній Софійскій соборъ массу молящихся. Архіепископское его служеніе отличалось рѣдкимъ благолѣпіемъ. Занявъ въ 1891 г. самостоятельную архіепископскую кафедру въ Самарѣ, онъ получилъ впервые широкій просторъ для своей церковно-административной и просвѣтительной дѣятельности. Особеннаго вниманія заслуживаетъ его дѣятельность по облегченію тяжелыхъ послѣдствій неурожая 1891 года. Осенью этого года въ Самарской губ. начался голодъ. Преосвященный Владиміръ распорядился, чтобы во всѣхъ монастыряхъ и богатыхъ церквахъ были открыты бесплатныя столовыя и чайныя и чтобы при всѣхъ церквахъ производился сборъ пожертвованій; по школамъ было сдѣлано распоряженіе доставлять пищу всѣмъ ученикамъ и ученицамъ. Для сбора и раздачи пожертвованій онъ учредилъ подъ своимъ предсѣдательствомъ особый комитетъ, работавшій параллельно съ губернскимъ комитетомъ. Въ самарской епархіи владыка обратилъ также вниманіе на собесѣдованія духовенства съ народомъ, предложилъ духовенству вести такія бесѣды въ праздники послѣ церковной службы и съ просвѣтительной цѣлью основалъ въ Самарѣ Алексѣевское братство. Затѣмъ изыскивалъ средства на постройку новыхъ храмовъ и обогатилъ епархію деся-

тью новыми церквами, учредилъ нѣсколько церковно-приходскихъ школъ, заботился о лучшей постановкѣ учительскаго дѣла въ существовавшихъ школахъ, отчисляя изъ доходовъ со свѣчнаго завода суммы на устройство школьныхъ библіотекъ. Въ 1892 г. высокопреосвященный былъ назначенъ экзархомъ Грузіи, архіепископомъ карталинскимъ и кахетинскимъ. Съ грустью разсталась Самара съ любимымъ архипастыремъ, для котораго открылось на Кавказѣ новое широкое поприще. Болѣе пяти лѣтъ онъ съ замѣчательной энергіей и дѣловитостью руководилъ церковнымъ дѣломъ и заботился о тщательномъ обслуживаніи нуждъ православнаго закавказскаго населенія. Помимо широкаго примѣненія внѣбогослужебныхъ собесѣдованій, цѣнность которыхъ онъ зналъ по личному опыту, владыка лично вступалъ проповѣдникомъ какъ въ Тифлисѣ, такъ и въ другихъ городахъ и мѣстечкахъ во время своихъ поѣздковъ по обширному краю. Въ Кутаисѣ его хлопотами была устроена духовная семинарія, потребность населенія въ церквахъ получила удовлетвореніе сооруженіемъ при содѣйствіи общества возстановленія христіанства на Кавказѣ болѣе ста храмовъ, старыя церкви (Мцхетскій соборъ, Сажарскій и Самейскій монастыри и др.) обновились. Съ особенною заботливостью относился высокопреосвященный къ памятникамъ церковной старины въ Грузіи, принималъ мѣры къ ихъ возстановленію и сохраненію. Затѣмъ онъ выхлопоталъ увеличенныя суммы на открытіе церковно-приходскихъ школъ (при немъ открыто болѣе 300 школъ) и заботился о снабженіи ихъ книгами. Въ годы холерной эпидеміи возложилъ между прочимъ на духовенство объясненіе простому населенію, объятому паникой, сущности болѣзни и способовъ ея лѣченія, а также обязательное служеніе молебствій по требованію семей больныхъ.

Митрополитомъ московскимъ и коломенскимъ высокопреосвященный Владиміръ былъ съ 1898 г., и эта его дѣятельность была столь же плодотворной, какъ и предыдущая. Его митрополичье

церковное богослуженіе отличается рѣдкимъ благолѣпіемъ; его прѣповѣди всегда привлекали маэсу и трогали слушателей, возбуждая ихъ добрыя чувства. Въ смутные дни декабрьскаго московскаго возстанія владыка призываетъ паству къ миру и успокоенію, напоминаетъ о силѣ вѣры и истинно-христіанской любви. Его заботы были направлены также на просвѣтительную дѣятельность духовенства въ церковной и школьныхъ областяхъ, на обезпеченіе духовенства и его семействъ отъ нужды, на возведеніе новыхъ храмовъ, на сохраненіе памятниковъ церковной старины и величественную торжественность православныхъ богослуженій. Какъ с.-петербургскому митрополиту, высокопресвященному Владиміру, пріидется, конечно, предсѣдательствовать въ Св. Синодѣ и другихъ церковныхъ учрежденіяхъ. Въ этой области онъ далеко не новичокъ, а наоборотъ, извѣстенъ своей уравновѣшенностью и умѣлостью. Ему пришлось въ годы московскаго митрополитчьяго служенія первоприсутствовать въ московской конторѣ Св. Синода и предсѣдательствовать въ православномъ миссіонерскомъ и другихъ обществахъ.

Н. Афанасьевъ.

«0»

Будильникъ.

— Смотри—восьмой часъ, а ея въ кухнѣ еще нѣтъ, спать, — сказалъ о. Николай своей матушкѣ, войдя въ ея спальню, чтобы разбудить дѣтей-школьниковъ. Въ его голосѣ слышалось раздраженіе.

— Неужели? — удивилась матушка и, накинувъ на себя халатъ, поспѣшила въ кухню. Кухня была, дѣйствительно, пуста, холодна и неубрана съ вечера. Раздраженіе о. Николая передалось и матушкѣ.

— Вотъ противная, — воскликнула она. — Погоди, вотъ я ее сегодня проберу.

— А ты недоумѣваешь, почему она такъ мало успѣваетъ сдѣлать, пока ты спишь... И это съ

нею не въ первый разъ, да только я все скрывалъ отъ тебя.

— Напрасно...

Вся семья о. Николая уже сидѣла за чаемъ, когда дверь, ведущая наверхъ, скрыпнула и на порогѣ замерла отъ испуга заспанная прислуга. Въ рукѣ у нея была будильникъ.

— Слушай, — обратилась къ ней матушка. Это изъ рукъ вонъ.. Восьмой часъ, на дворѣ канунъ Рождества, въ домѣ работы процѣсть, а ты только-что встала. Зачѣмъ я тогда тебѣ будильникъ съ вечера завожу?

— Онъ не звонилъ, — робко проговорила прислуга.

— А ну-ка дай сюда будильникъ, — сказалъ о. Николай. — Понятно, почему не звонилъ. Ты опять стрѣлку съ шести на восемь перевела.

— Батюшка, ей-Богу, стрѣлки не переводила. Она, вѣрно, сама передвинулась. И будильникъ не звонилъ. Оттого и проспала я.

— Посмотримъ, кто правъ, — съ угрозой сказалъ о. Николай. Онъ завелъ будильникъ и передвинулъ стрѣлку на часъ впередъ.

Въ хлопотахъ съ дѣтьми, которыхъ нужно было отправить въ школу, и за разборомъ полученной почты, о будильникѣ скоро позабыли, какъ вдругъ онъ напомнилъ о себѣ отчаяннымъ звономъ. Бросились къ нему — стрѣлка стояла на девяти часахъ.

— Можетъ быть, тутъ случайность. Поставлю еще на десять, — рѣшилъ о. Николай и снова передвинулъ стрѣлку.

Въ десять часовъ будильникъ снова прозвонилъ.

— Ну скажи, кто теперь правъ, — набросилась на прислугу матушка. Она не выносила лжи. — Хотя бы не лгала. Пропала, ну и созналась бы, что виновата. А то—будильникъ не звонитъ.

— Право, я не виновата. Не слышу будильника. Боже, — подняла она вверхъ, ломая, свои руки, — Ты одинъ видишь мою правду.

— Вѣроятно, ты, когда поднимаешься въ потьмахъ къ себѣ наверхъ, нечаянно передви-

гаешь стрѣлку, — замѣтилъ о. Николай уже спокойно.

— Не знаю. Знаю только одно, что будильникъ не звонилъ. И она вдругъ расплакалась.

— Ну полно. Не плачь, — началъ успокаивать ее онъ. Въ другой разъ я самъ тебя разбуджу. Только не лги. Грѣхъ—лгать, да еще такъ безсовѣстно.

— И что это съ нею? — недоумѣвала матушка, оставшись съ батюшкой наединѣ. Спать гоню ее рано, а встаетъ она все-таки поздно. И еще лжетъ.

Такъ какъ русскій праздникъ Рождества Христова — вслѣдствіе разницы въ календаряхъ — никогда не совпадаетъ съ американскимъ, а въ этомъ году онъ выпалъ еще и въ будній день, когда работа всюду — и на фабрикахъ и на заводахъ — идетъ полнымъ ходомъ и отъ нея никакъ нельзя отпроситься, и такъ какъ большинство прихожанъ о. Николая жило въ окрестныхъ городкахъ, то чтобы дать имъ возможность и въ церкви побывать и на работу поспѣть, онъ рѣшилъ соединить литургію съ заутреней и заутреню начать ровно въ полночь.

Такъ онъ дважды и объявилъ людямъ въ церкви.

Въ самый канунъ Рождества у него — по обыкновенію — накопилось множество домашнихъ и приходскихъ дѣлъ и пока онъ съ ними покончилъ, пробило девять часовъ вечера и его начало клонить ко сну. Впереди предстояла безсонная ночь—и онъ рѣшилъ часика два заснуть. Завелъ будильникъ, поставивъ сигнальную стрѣлку на половинѣ двѣнадцатаго. Попросилъ и жену, чтобы къ нему въ дверь постучала, если онъ не услышитъ будильника: кстати раньше полуночи она не надѣялась управиться. Затѣмъ заперъ на замокъ всѣ двери, чтобы черезъ его комнату не ходили, раздѣлся до нижняго бѣлья, легъ въ постель, закутался ватнымъ одѣяломъ и, согрѣтый тепломъ, не замѣтилъ, какъ заснулъ.

Сонное воображеніе почему-то перенесло его въ золотую пору жизни — въ беззаботное

дѣтство. Вотъ широкій дворъ, окруженный вмѣсто забора высокими бѣлыми двухэтажными зданіями. Посрединѣ двора толпа мальчиковъ, а въ толпѣ и онъ, бѣгоголовый и курносый мальчуганъ въ помятой парусиновой одеждѣ. Идетъ крайне занятая игра, да одно неприятно: гдѣ-то вверху зноеть пышетъ на нихъ раскаленное солнце, и все труднѣе становится дышать и давно уже страшно хочется пить.

Вдругъ что-то изнутри толкнуло его, солнце померкло и онъ проснулся. Осмотрѣлся и увидѣлъ себя въ своей спальнѣ, оваренной красной лампадкой, и сразу понялъ, что онъ вовсе не мальчуганъ, а взрослый и даже священникъ и находится очень далеко отъ своей родины. Только вотъ никакъ не можетъ припомнить, наканунѣ какого дня онъ проснулся. Странно, раньше съ нимъ это случалось лишь тогда, когда онъ просыпался отъ яркаго сна въ совершенной тьмѣ.

— Разъ лампадка горитъ, значитъ, приближается праздникъ, — сталъ онъ соображать. Но какой? Стой!.. Да, вѣдь, самый великій — Рождество Христово. И на полночь у меня назначена заутреня. Поди, народъ уже съѣзжается. Не пора ли и мнѣ одѣваться? Будильникъ, правда, еще не звонилъ, но — вѣроятно — скоро зазвонитъ. Переведу-ка стрѣлку назадъ, чтобы дѣтей не разбудить, — рѣшилъ онъ.

Въ комнатѣ, только теперь онъ это почувствовалъ, стояла страшная жара; отъ нея у него даже въ горлѣ пересохло.

— Вотъ какое солнце пекло меня во снѣ, — подумалъ онъ.

Потомъ съ трудомъ поднявъ свое разслабленное туловище, спустился съ кровати, зажегъ электричество, глянулъ сонными глазами на будильникъ и обмеръ: былъ ровно часъ ночи. Что-нибудь одно: или онъ такъ крѣпко спалъ, что не слышалъ будильника, или будильникъ вовсе не звонилъ. Онъ попробовалъ повернуть его заводной ключъ — не поддается; присмотрѣлся къ сигнальной крошечной стрѣлкѣ и для него стало яснымъ, что будильникъ испорченъ:

вслѣдъ за часовой стрѣлкой передвинулась далеко впередъ и сигнальная.

— Но жена? — ухватился онъ за нее, какъ утопающій. — Почему она меня не разбудила? — Неужели и она легла спать раньше, чѣмъ предполагала?

Почему-то прежде всего онъ отворилъ дверь въ кухню—тамъ было темно. Прислушался — во всемъ домѣ стояла гробовая тишина, которая и дѣлала его сонъ такимъ крѣпкимъ.

— Ясно, что и она съ прислугой улеглась спать, — рѣшилъ онъ и чувство раздраженія проснулось въ немъ. — Но почему передъ тѣмъ, какъ лечь спать, она меня не разбудила? — недоумѣвалъ онъ.

Онъ прошелъ къ женѣ въ спальню и нервно потрясъ ее за плечо.

— Что такое? — тихо спросила она его сквозь сонъ.

— Большое несчастье, — отвѣтилъ онъ. — Ты вотъ меня не разбудила и я, пастыръ церкви, проспалъ заутреню. Знаешь ли, который теперь часъ? Четверть второго по полуночи.

— Что ты! — быстро поднялась она. Въ ея глазахъ отразился испугъ.

— Посмотри на часы. Боже, какое несчастье, — воскликнулъ онъ. — Я просто теряю голову — съ чего начать? И поправишь ли дѣло? Что, если и церковникъ заспалъ, хуже того, если запьянствовалъ по старокраевому обычаю и церковь заперта? Вообрази положеніе тѣхъ сотенъ людей, которые пріѣхали сюда издалека въ полной увѣренности, что проведутъ ночь въ теплой церкви, а нашли церковь запертой. До утра имъ отсюда уже не выѣхать, но и здѣсь не у кого переночевать, а на дворѣ глубокой снѣгъ и жестокой морозъ. Что съ ними теперь? Вѣроятно, слоняются по темнымъ улицамъ, да проклинаятъ меня.

А рождественскій сборъ?! Сколько съ нимъ было связано у попечителей церковныхъ надеждъ: и уплата срочныхъ долговъ, и ремонтъ, и покупка облаченій. Безъ этого сбора не свети концы съ концами. И вдругъ — заутрени нѣтъ... Вѣдь — теперь попечители не дадутъ

мнѣ жить, и придется перебираться на другой приходъ.

Но—быть можетъ—еще не все пропало? Быть можетъ, церковь отперта и народъ еще ждетъ меня? Какъ дать ему знать, чтобы не расходился?

Весь трагизмъ о. Николая заключался въ томъ, что жилъ онъ очень далеко отъ церкви, совсѣмъ въ другомъ концѣ города. Но на половинѣ дороги между нимъ и церковью, въ самомъ центрѣ русской колоніи находилась лавка одного прихожанина, а въ ней и телефонъ, которыми прихожане и пользовались въ своихъ сношеніяхъ съ нимъ. О немъ о. Николай теперь и вспомнилъ.

— Телефоную—рѣшилъ онъ—въ лавку, чтобы кто-нибудь побѣждалъ въ церковь и попросилъ псаломщика пѣніемъ церковныхъ пѣсенъ задержать народъ. Правда, время сейчасъ позднее, но — вѣдь — сегодня сочельникъ, когда каждый усиленно готовится къ празднику и торговля идетъ до полуночи. Можетъ быть, считая выручку и укладывая въ ледникъ мясо, хоть хозяинъ задержался.

О. Николай приложилъ къ уху телефонную трубку и назвалъ номеръ.

— Не отвѣчаютъ, — донесся до него деревянный голосъ телефонистки. И упало въ немъ сердце.

— Что теперь дѣлать? Вызвать по телефону коляску или двинуться пѣшкомъ? Нѣтъ, какъ ни мудри, все равно раньше двухъ часовъ въ церкви не будешь. Ну и наказалъ меня Господь, — волновался онъ. — Все таки пойду, — рѣшилъ онъ и сталъ быстро одѣваться.

— И какъ это ты, ложаешься, меня не разбудила, — бросилъ онъ женѣ съ укоромъ.

— Я только на полчаса прилегла. За день я такъ устала. Если бы я могла предвидѣть, что такъ случится, повѣрь мнѣ, — я бы переборола себя, не легла, — отвѣтила ему она, виновато глядя на него.

Вотъ онъ уже бѣжитъ по освѣщенной электричествомъ, но страшно пустынной улицѣ.

Онъ знаетъ, что послѣ полуночи трамвай не ходить, но — вѣдь — можетъ же надѣхаться какая-нибудь коляска или автомобиль... О, теперь онъ готовъ сколько угодно заплатить, только бы поскорѣе добраться до церкви и разсѣять мучительную неизвѣстность. И онъ зорко всматривается вдаль. Но улица мертва и лишь вдоль всей линіи загадочно ему подмигиваютъ электрическіе огни.

Къ несчастію, на немъ еще и мѣховая шуба. Въ ней ему, правда, очень тепло, но зато и очень тяжело. И вдобавокъ ея длинныя полы на каждомъ шагу вяжутъ ему ноги. А подъ ногами у него еще и скользкій снѣгъ. Того и гляди — онъ шлепнется и вывернетъ себѣ руку или ногу.

Не пробѣжалъ онъ еще и десяти минутъ, а ужъ весь въ поту и лицо его дымится, какъ послѣ бани. Въ глазахъ туманъ, въ сердцѣ боль, а подъ ложечкой колики.

— Вотъ искушеніе! Ахъ, какое искушеніе! — твердитъ онъ уже машинально.

Между деревьями, въ сумрачной дали вдругъ замелькало что-то, похожее на черную птицу.

— Но въ глубокую и морозную полночь даже вороны спятъ, — замѣтилъ онъ самому себѣ. — Тогда что же это?

И онъ весь превратился въ зрѣніе и слухъ.

— Да, вѣдь, это автомобиль! — обрадовался онъ. — Уже слышно его быстрое и непрерывное чиханье.

О. Николай не ошибся. Изъ мрака въ полосу электрическихъ огней вдругъ вынырнулъ автомобиль и остановился у подъѣзда одного дома на слѣдующемъ кварталѣ.

— Господи, кабы онъ оказался наемнымъ и его отпустили и шофферъ польстился на лишній заработокъ, черезъ пять минутъ былъ бы я около церкви!

И не переставая идти, о. Николай началъ слѣдить за мельчайшими подробностями. Вотъ изъ автомобиля выпрыгнула дама въ бѣломъ шарфѣ и черной длинной накидкѣ, за нею мужчина въ блестящемъ цилиндрѣ и черномъ пальто съ барашковымъ воротникомъ, позвонили,

имъ сразу отворили и, едва дверь за ними хлопнулась, огни внизу погасли.

— Наемный! — чуть не вскрикнулъ о. Николай.

До автомобиля осталось не болѣе пятнадцати шаговъ.

— Какъ бы передъ самымъ носомъ не ускользнулъ, мелькнуло у о. Николая, дать, что-ли, знаками понять, чтобы шофферъ меня подождаль? Бѣда, автомобиль крытый, да еще и задомъ къ нему стоитъ. И о. Николай бросился къ нему бѣжать. Ему уже нечѣмъ дышать, и меркнетъ сознание, и покидаютъ силы и отъ боли подъ ложечкой противная горечь во рту, но онъ бѣжить. Только бы не упустить автомобиля, а въ немъ онъ уже передохнетъ. Вдругъ передъ самымъ его носомъ автомобиль страшно зачихалъ ѣдкимъ дымомъ и тронулся.

— Мистеръ! — простоналъ о. Николай и сдѣлалъ нѣсколько прыжковъ за автомобилемъ. Но автомобиль уже сверкалъ подъ фонарями полировкой своей и все слабѣе доносился его шумъ и вотъ онъ снова безслѣдно пропалъ въ сумрачной дали.

На о. Николая нашло тупое равнодушіе и изъ тумана, съ шумомъ наполнившего голову, лѣниво выплыли нелѣпыя, какъ и эта дѣйствительность, мысли... Темная, морозная и молчаливая полночь... Безконечная улица и среди нея онъ одинъ. И нѣтъ у него уже ни прошедшаго, ни будущаго — и это не угнетаетъ его. Такъ, помнится ему, бывало съ нимъ только во снѣ. Но сонъ ли это, въ самомъ дѣлѣ? Чего онъ среди улицы, да еще въ глубокую полночь, когда окна домовъ черны и люди спятъ, словно вымерли? Къ заутрени идетъ? Какая это заутрени, когда и завтра рабочій день? Никакой заутрени нѣтъ, давно уже нѣтъ. Настоящая великая заутрени съ ея свѣтлою радостью осталась тамъ, за океаномъ. И съ тѣхъ поръ жизнь стала темной ночью и мигаютъ теперь въ ней только электрическіе огни, да царитъ мертвое молчаніе. А онъ... идетъ къ заутрени. Вѣдь это несерьезно, это даже неправдоподобно...

Скрипъ снѣга подъ чьими-то ногами заставилъ его очнуться. Онъ осмотрѣлся и удивился: онъ шелъ уже по той улицѣ, на которой находилась церковь. И какъ только онъ не заблудился?! Вотъ съ нимъ поровнялось двое мужчинъ и онъ словно проснулся отъ кошмарнаго сна и вернулся къ жизни. То были его прихожане.

— Куда вы?—остановилъ онъ ихъ.

— Домой, отче. Идемъ грѣться. Думали, что заутрени сегодня не будетъ.

— А народъ еще есть?

— О, народа много, хоть нѣкоторые уже и разошлись.

— Слава Богу! — оскѣнилъ онъ себя крестомъ.

Черезъ минуту онъ былъ уже въ темномъ алтарѣ.

— Отче, что съ вами? — спросилъ его вбѣжавшій за нимъ псаломщикъ. Я уже собирался идти справиться по телефону, не заболѣли ли вы или не позвали васъ куда-нибудь далеко на потребу и не опоздали ли вы на послѣдній поѣздъ? Вижу — часъ, половина второго, а васъ все нѣтъ. да нѣтъ. Ну слава Богу, что пришли, а то народъ уже намѣревался расходиться по домамъ.

— Грѣхъ, братъ, случился со мною. Но Богъ, я вижу, умилился надо мною и не наказалъ меня, — покаяннымъ тономъ отвѣтилъ ему о. Николай, быстро облачаясь. Но объ этомъ потомъ. Нужно — вонъ — спѣшить: скоро, вѣдь, утро.

И взволнованнымъ голосомъ онъ положилъ начало служенію. Народъ, въ ожиданіи его грѣвшійся въ залѣ подъ церковью, съ шумомъ двинулся въ церковь и скоро она оказалась переполненной.

О. Николай все еще былъ потный и разгоряченный и въ холодной церкви могъ легко схватить воспаленіе легкихъ. Поэтому, обкадивши церковь и вернувшись въ алтарь, онъ накинулъ на себя еще и свою шубу и, пока на клиросѣ читали, присѣлъ отдохнуть. Подъ ложечкой у него все еще колело, сердце учащенно билось,

въ ушахъ шумѣло, въ глазахъ ходили темные круги и во рту ощущалась противная горечь, но на душѣ было тихо и радостно. Онъ прислушивался къ шороху народа, доносившемуся изъ-за иконостаса, и думалъ: — Какая у этого народа мягкая и незлобивая душа. Не рвалъ и не металъ онъ, когда пришлось ему такъ долго ждать меня. А я? — вспомнилъ онъ вдругъ свое сегодняшнее отношеніе къ прислугѣ. И ему стало стыдно самого себя.

Казалось бы, что теперь, когда мучительная для него неизвѣстность такъ благополучно окончилось, онъ спокойно отдастся молитвѣ. Но, къ его изумленію, въ немъ проснулось новое безпокойство. Онъ вдругъ физически почувствовалъ, что забылъ сдѣлать что-то важное. И только когда приступилъ къ литургіи, вспомнилъ, что второпяхъ оставилъ парадную дверь своего дома открытой настежь. Правда, домъ находился въ пустынномъ переулкѣ, но что, если сегодня неподалеку случится воръ? Свободно войдетъ, ограбитъ, быть можетъ, домашнихъ до смерти напугаетъ и скроется безслѣдно. Вѣдь въ его распоряженіи цѣлыхъ четыре часа... Волосы зашевелились на головѣ о. Николая. Новая неизвѣстность оказалась тѣмъ мучительнѣе, что касалась уже его семьи и его собственности и раньше окончанія литургіи ея нельзя было разсѣять.

Но, что это была за литургія! Словами онъ обращался къ Богу, а мыслями замеръ надъ своимъ домомъ. И не свѣтлымъ благоговѣніемъ, но темнымъ страхомъ была переполнена душа его. И казалось ему, что литургіи не будетъ конца.

Передъ отпускомъ радость вернулась къ нему и праздничное привѣтствіе свое онъ закончилъ слѣдующими словами: — Братья мои! Мнѣ больно вспомнить, что въ эту великую и святую ночь я заставилъ васъ такъ долго и въ такомъ холодѣ ждать себя и тѣмъ — быть можетъ — отравилъ вамъ праздничное настроеніе, возбудилъ въ комъ-нибудь изъ васъ нехорошія чувства. Богъ собирался меня наказать, но про-

стиль. Прошу и васъ — ради праздника меня простить.

И онъ низко поклонился народу.

Когда онъ вышелъ изъ церкви, люди радостно поздравляли его съ праздникомъ. И что его поразило, ни одинъ не спросилъ его о томъ, почему же онъ въ самомъ дѣлѣ такъ сильно запоздалъ?

— Не такъ ли и я съ женой должны были сегодня простить своей прислугѣ, тѣмъ болѣе, что, какъ теперь ясно, она — дѣйствительно — была невиновата.

Домой онъ снова бѣжалъ. Дверь онъ засталъ еще открытой, но въ домѣ все нашелъ на своемъ мѣстѣ.

— Ну, Анна, — обратился о. Николай къ прислугѣ утромъ, когда она проходила черезъ столовую въ кухню, — Богъ неожиданнымъ для меня образомъ далъ мнѣ почувствовать, что правда была вчера на твоей сторонѣ и что мы напрасно на тебя кричали. Знаешь ли, и у меня будильникъ не звонилъ — и я сильно опоздалъ къ заутрени. Не гнѣвайся же на меня. Вѣдь сегодня великій праздникъ.

— Я, батюшка, объ этомъ уже и позабыла, — наивно отвѣтила ему она.

— А я, вотъ, не могу. Пойми, вѣдь, и во мнѣ есть будильникъ. О немъ въ сутолокѣ жизни я почти позабылъ, а онъ взялъ, да и напомнилъ вдругъ о себѣ отчаяннымъ звономъ. И спасибо ему — иначе бы я не проснулся и не понялъ, отчего наша жизнь иногда становится чернѣе ночи и полна кошмара...

Свящ. Ѳ. Бунетовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

— на —

«Американскій Православный Вѣстникъ».

Подписная цѣна

на годъ: 3 долл.

Адресъ:

15 E. 97 Street, — New York, N. Y.

Редакторъ,

Каѳедральный Прот. А. Хотовицкій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

— НА —

„С В Ъ Т Ъ“

НА 1913 ГОДЪ.

Цѣна на годъ 1 д. 50 ц.

За границу 2 долл.

Кто пришлетъ годовую подписку до 1 Января 1913 г. по новому стилю, тому даромъ вышлется КАЛЕНДАРЬ «СВѢТА» на 1913 годъ.

Адресъ:

“SVIT”, 166 AVE. A. N. Y. CITY.

Редакторъ,

Каѳедральный Прот. А. Хотовицкій.